

Часть первая

Глава 1

1

Они взяли меня ранним утром 15 августа 1996 года. В Москве.

Они взяли меня вдвоем. Подошли, попросили предъявить документы, вежливо повлекли в машину. Ловко и корректно, с ужимками портье открыли дверь, но запихнули внутрь уже вполне бесцеремонно.

Первый — от него пахло луком и портянками — проворно сел за руль, повернулся ко мне и произнес, сверкая зубом из дешевого желтого золота:

— Теперь говори, где тут, в вашей Москве, район Лефортово. А то мы не местные.

Я оторопел. Не понял. То есть только что пойманный преступник должен сам указывать сыщикам дорогу до тюрьмы? И потом, почему сразу в тюрьму? А доказать?

Столица Империи — особенный город. Здесь не собралась моментальная любопытствующая толпа. Граждане спешили мимо, отводя взгляды. Только один, помоложе, замедлил ход и слегка наклонил голову, чтобы рассмотреть через стекла автомобиля побледневшую физиономию арестованного человека. Но изнутри по прозрачной преграде грубо ударили ладонью:

— Давай проходи!

Любопытный юноша сильно вздрогнул и поспешил дальше, одергивая свой пиджак. Мой пиджак — стоил примерно в четырнадцать раз дороже.

— На светофоре направо, — мрачно ответил я, — и потом все время прямо, по набережной...

Так жертва подсказала палачу путь к эшафоту. Я бы наслаждался абсурдом момента, но помешал страх. Все-таки меня взяли впервые в жизни. И везли теперь как минимум на очень серьезный допрос. А как максимум — из свободы в несвободу.

Везли из мира японских компьютеров, кубинских сигар, французских коньяков, португальских портвейнов, швейцарских наручных хронометров, золотых запонок, шелестящих кондиционеров, глянцевых реклам, двухсотдолларовых парфюмов, льняных штанов, портфелей крокодиловой кожи, шелковых сорочек, гламурных журналов, пуленепробиваемых стекол, полированных лимузинов, семизначных банковских счетов — прямо туда, где дают пайку и баланду.

Впрочем, если они добрались до меня, это вовсе не значит, что они доберутся до моих денег.

Они искали меня два месяца. Подозревая в хищении миллиона американских долларов из государственной казны. И теперь поймали.

Миллиона я не крал. Я не люблю воровать и не умею. Сейчас я не терял присутствия духа. Не те времена на дворе, чтобы невиновного человека упрятали за решетку. Не те времена, господа! Вокруг меня, влекомого в Лефортовскую тюрьму, гудело и шевелилось нервное и жаркое лето девяносто шестого года. Только что, пару недель назад, страна переизбрала на новый срок своего первого президента. Тем самым сделав выбор в пользу демократии. А в демократиях, насколько я знал, только суд может лишить свободы человека.

Утро случилось ясное и очень теплое. Долго ехали по едва проснувшемуся, постепенно нагреваемому городу, сквозь дрожащий воздух, сквозь желтый солнечный свет, наискось бьющий меж пыльных крон придорожных деревьев. Машина, затертая в разноцветное автостадо, двигалась медленно; я сидел на заднем сиденье в одиночестве и легко мог выскочить на ходу; попытаться сбежать, уйти дворами, переулками; но с какой стати? Я ничего не сделал! Я все им объясню и еще до обеда вернусь в свой кабинет, где на мерцающих экранах возникают и исчезают, двигаются, шевелятся и множатся деньги.

По дороге я им нагрубил, специально. Они обратились ко мне на «ты», и я сразу высказался. Оперативники пришли в ярость и временно умолкли.

Машина долго петляла по мостовым. Наконец заехала в какие-то дворы и остановилась возле массивного здания без вывески.

— Вроде здесь...

Один из двоих тут же повернулся ко мне и сильно ухватил согнутыми пальцами за нос. Его руки и мои ноздри из-за августовской жары были влажными от пота, поэтому жестокий приемчик удался лишь наполовину: рванувшись, я тут же спасся от захвата, однако из-за внезапной боли и унижения на глаза навернулись слезы.

— Сейчас мы с тобой войдем вон туда, — услышал я, — и там посмотрим, кто кого будет на «вы» называть!..

За массивными дверями — просторный тамбур. Затянутая металлической сеткой амбразура в стене. С той стороны с любопытством выглянул бледный функционер в серой фуражке.

— Лицом к стене! — деловито распорядился тот, кто покушался на мой нос. — Встать лицом к стене! Живо!

Он ухмыльнулся бледнолицему дежурному и кивнул в мою сторону:

— Гляди, какого Рокфеллера изловили!

Очевидно, речь шла о моем костюме. Штаны и пиджак выглядели довольно дорого, да и стоили тоже.

Повели по сложно изгибающимся коридорам. Втолкнули в комнату — просторную, но чрезвычайно душную. Здесь, сидя на стульях и столах, интенсивно курили несколько сумрачных мужчин в рубахах с закатанными рукавами. Все — старше меня и гораздо крупнее. Я почувствовал себя неудобно.

Раздались множественные хриплые возгласы.

— О! Поймали, что ли?

— А ты как думал? Всех ловили и этого поймали, — и в мою сторону опять: — Лицом к стене!

— Мы же его еще не смотрели, — озабоченно сказал второй из тех двоих, что меня взяли. — Вдруг у него — оружие?

— И то правда! К стене! Ноги шире! — это снова в мой адрес.

Я встал, как велели. Расставил ноги.

Стена мне не понравилась. Голая, в буграх штукатурки, в потеках старой зеленой масляной краски, она смотрелась позорно, почти непристойно. Про такую стену спеть бы «Пинк Флойд»...

Из моих карманов — шустро, ловко их ощупывая — извлекли три мобильных телефона, паспорт, записную книжку, тяжелую связку ключей и около полукилограмма денег в двух валютах. Деньги швырнули на ближайший стол с искренним равнодушием. Но записная книжка вызвала большой профессиональный интерес. Непрерывно возбуждая себя никотином, опера бегло пролистали ценный вещдок, передавая его друг другу, а потом унесли из комнаты — очевидно, для более детального анализа координат моих друзей, знакомых, сотрудников, родственников, деловых партнеров, клиентов и всех

прочих мужчин и женщин, захваченных мною в орбиту своей беспечной жизни.

— Сядь на стул!

Открылась дверь, и торопливо вошли еще двое, потом третий. Прибежали явно специально для того, чтобы взглянуть на изловленного преступника.

— Наконец-то! Если бы ты знал, Андрюха, как мы устали за тобой бегать!

Я помалкивал.

— Что ты расселся? — грянули мне прямо в лицо. — Не у себя в офисе! Пересядь сюда! К свету ближе!

Изловчившись абстрагироваться, я увидел этих людей как забавных чудовищ. Они старались казаться страшными. Бряцали наручниками и потертыми пистолетами Макарова. Расхаживали, громко топая, отводя локти от туловища — как будто из их подмышек свисали дополнительные комплекты мужских достоинств. По одному справа и слева. Так ходят старослужащие в армии. Или ковбои в классических вестернах.

Их нерв, простой и честный, я вполне уважал. Против них я был дерьмо, щенок, мальчишка, бессовестный и лживый малый. Плохой человек. Любитель легких денег, «мерседесов» и девочек. Государство платило своим слугам плохо, и слуги испытывали классовую ненависть к малолетним нуворишам.

— С ним все ясно, — говорили они друг другу, небрежно тыкая в меня пальцами. — Он сядет надолго. И это правильно!

То есть стращали меня тюрьмой. А я к ней давно уже приготовился. Заранее. И испытывал сейчас не испуг, скорее причудливую комбинацию восторга и ужаса.

Наиболее занятой деталью обстановки мне показались пепельницы. Это были изготовленные из спичечных

коробков и аккуратно оклеенные фольгой от сигаретных пачек подделки заключенных.

Быстро выяснилось, что вся следственная бригада состояла сплошь из командированных провинциалов. Сыщиков и следователей перевели в столицу из Саранска, Пензы и Челябинска, поселили в общежитии и приказали работать. Искать виновников кражи казенных средств. Так — собрав в одну команду чужаков — милицейское руководство собиралось исключить возможность подкупа. Ведь местные московские кадры коррумпированы. Сращены с системой родственников, друзей и выгодных знакомых. А приезжие — никого не знают, ни с кем не близки. К тому же провинциал, командированный в центр, работает как зверь — вдруг его оценят и не отпустят обратно в Пензу?

В итоге теперь я испытывал на себе всю их ксенофобию: глубокое презрение к сытому обитателю сытой столицы.

Но я не переживал: я сам приехал в этот город лишь пять лет назад — такой же, как и они, пришелец. Чужак. Гость. Сын учителя и учительницы, выросший в деревне. Атмосфера большого мрачного здания надежно оплодотворялась тяжелой бранью. Неприхотливый крестьянский мат гудел и в коридоре, и в самом кабинете. Сленг, простой, как удар мужицкого топора о дерево, резал мой слух, заставлял напрягаться.

Темп происходящего я определил как весьма средний. Это их ошибка, зафиксировал я. Такого парня, как только что взятый подозреваемый, следует раскалывать быстро, на раз. Стоп-хлоп, и вот — клиент уже дает показания! Но нет. Они кружили вокруг меня. Примеривались. То входили в комнату, то выходили. Один зайдет, выкрикнет грубость, пнет ногой — и убежит ретиво; второй успокаивает, вкрадчиво вопрошает, хлопает по плечу, протягивает сигаретку, но тоже уходит в какие-то смежные помещения; третий возникает

энергично — совсем зверь, брызгает слюной, низко наклоняется, орет и хамит, изо рта пахнет гнилью, и я вижу, что его зубы плохие и на щеках — прыщи...

Долго, слишком долго разминали сыщики свежепойманного злодея. А надо им было сломать меня в полчаса. Гасить сразу! Сымитировать гестапо. Галстуки, белые рубахи, умные и страшные вопросы. Лампа в лицо. Не давать времени на раздумья, на анализ событий. Кто? Где? При каких обстоятельствах? Факты! Правду! Истину! По существу дела!!!

Нет — они проиграли время, предоставили мне возможность понаблюдать, сопоставить, извлечь выводы. И уяснить, что слуги закона знают обо мне многое, но не все. И — не самое важное.

Ведь они — взяли не того парня.

2

Мне двадцать семь лет.

Я бизнесмен. Банкир. Точнее, совладелец банка. Еще точнее: младший компаньон. Я богат. И я только что арестован как расхититель государственных средств.

Мой банк — очень маленький, мало кому известный, однако, что важно, вполне самостоятельный и устойчивый. Кроме того, что еще более важно, быстро растущий. Он, этот банк, возник из ничего в каких-нибудь три года. Мой банк. Мой ребенок, мое детище, смысл всей моей жизни, пожиратель моего времени и нервов, источник баснословных доходов. Его название не пишут на рекламных щитах, не произносят с телеэкранов большеротые девочки-модели. И слава богу.

Правда, хозяин всего бизнеса, основатель конторы, фигура номер один — не я, а другой человек. Мой старший

товарищ, босс, шеф, начальник. Мороз Михаил Николаевич.

О транзите проклятого миллиона договаривался именно он. Я же — всего лишь подчиненный. Клерк. Технический исполнитель. Мне сказали, и я сделал. Осуществил волю босса.

Шефа-начальника Михаила тоже взяли. Сегодня. Спустя полчаса после меня. Возле дверей нашей с ним конторы. Я понял это из обрывков разговоров. Но босса отпустят. А моя задача — сделать все, все, все для того, чтобы его отпустили обязательно. Вину — взять на себя. Арест, допросы, возможное тюремное заключение — часть моей работы. Эту работу, как и любую другую, я выполняю качественно. За выполнение задачи мой босс мне платит. Он уже заплатил мне круглую сумму. И заплатит еще. Босс Михаил много богаче меня, он миллионер, долларовый, и услуги такого специалиста, как я, ему вполне по карману.

Однажды, три года назад, мы с Михаилом познакомились, поговорили — и сошлись во взглядах на жизнь и ее ценности. Стали работать вместе. К обоюдной выгоде. Босс Михаил искал и успешно находил клиентов: людей, желающих укрыть свои деньги от налогов. А я — помогал. Прикрывал спину. Заботился о деталях. И готовился к тому, чтобы однажды, когда наступит время, ответить перед законом по всей строгости. Ведь неуплата податей в государственную казну — уголовное преступление.

Что мне грозило в случае поимки, краха? Три года — за неуплату, год или два за подделку документов. Но я — не люмпен. Ранее не судим. Хорошая биография. Семья, маленький ребенок. При удачном стечении обстоятельств я вообще способен отделаться условным наказанием. А это сущий пустяк. Ради денег люди идут и не на такое.

Возможно, когда-то, много лет назад, я принимал решения слишком поспешно, мыслил чересчур цинично, переоценил свою отвагу. Но теперь об этом глупо вспоминать. Я давно в бизнесе и уже увяз. А он, бизнес, не признает Уголовного кодекса.

Обвинение в казнокрадстве, конечно, отпадет, и очень быстро. Ведь ни я, ни мой босс ничего не похитили. Давайте представим, что один покупает у другого нечто. Переводит деньги. Получает товар — и исчезает. Через год выясняется, что перечисленные деньги — краденые. Покупатель об этом умолчал. Теперь он в бегах. Продавца же — арестовывают как соучастника.

Конечно, некоторых может смутить то обстоятельство, что проданный товар в действительности выглядел несколько необычно: как зеленые пачки наличных долларов. То есть я попросту обналичил банковский перевод. Но сути это не меняет. Я готов по всей строгости закона ответить за то, что провернул запрещенную сделку, отоварил злодеев бумажными банкнотами, нарушив при этом финансовое, валютное и налоговое законодательства. Но превратить меня в расхитителя казны я не позволю.

Я не более аморален, чем сто тысяч других таких же, как я, молодых людей, упорно вращающих колеса своей коммерции в тесноте и духоте московских офисов и контор. Легко нарушая глупые и устаревшие государственные правила игры в бизнес, они никогда не пойдут на явное воровство. Они не желают брать чужое — им важно заработать свое.

Я вам не какой-нибудь гад, мечтающий урвать куш и прожечь его по злачным хатам. Я капиталист, ясно вам? Я верю в силу наличных денег, как верят дети в Санта-Клауса.

Сумбурно излагая такие свои доводы в сторону возбужденных сыщиков, я заметил, что все они чего-то ждут. То смеясь надо мной, то оскорбляя; то внимательно слушая, то обрывая на полуслове; то подшучивая почти по-приятельски, то ударяя ногой по ножке моего стула; то похлопывая по плечу, то изрыгая проклятия, — эти вооруженные люди в дешевых растоптанных туфлях не спешили, однако, составлять протоколы, описи и прочие зловещие бумаги. Должно прибыть начальство, догадался я.

Арест состоялся около восьми часов утра. Сейчас на моих золотых «Лонжинах» — почти десять. Самое время появиться людям, от которых все зависит, — вышестоящим руководителям.

Наконец где-то вдалеке тяжело затопали, скомандовали «смирно!», потом — тоном ниже — «вольно!». За стеной, в коридоре, возникли и быстро приблизились многие возбужденные, переплетающиеся голоса.

— Генерал приехал, — сказал в пространство один из оперативников и притушил сигарету.

Вошедший — энергичным твердым шагом — пожилой человек немедленно вызвал во мне симпатию. Его пиджак и галстук, холодный взгляд прозрачных глаз, седина в волосах, жестко изогнутые сухие губы, отменно слепленные кисти рук, особая сановная сутуловатость — все указывало на то, что он принадлежит к касте хозяев жизни. Опера тут же подобралась, приняли менее небрежные позы и чутко замерли. Один из них — тот, кто кричал и грубил больше других, — проворно перетащил стул от стены в центр комнаты, и высокопоставленный дядя медленно сел, закинув ногу на ногу и выставив на всеобщее обозрение превосходные летние туфли светлой замши (мои

туфли стоили минимум втрое дороже). Затем он пошевелил пальцами, и все, кроме меня, молча вышли из комнаты; последний аккуратно прикрыл за собой дверь.

Большой милицейский папа был свеж, как смородиновый куст в утренней росе. Благоухал одеколоном. И этим разительно отличался от своих подчиненных, распространявших вокруг себя запахи крепкого мужского пота и гуталина. Не иначе, генерал примчался на службу — прямо сквозь душный, влажный московский август — в кондиционированном автомобиле, заключил я. Стало быть, вкус комфорта знает. И это хорошо. На этой почве мы можем сойтись. Я тоже люблю и понимаю удовольствия жизни. Не предложить ли ему сразу денег, с ходу, пока мы одни? Нет — рано. Следует выслушать сначала все, что он скажет. Возможно, меня отпустят и без взятки. Такой взрослый, солидный, разумный на вид и явно очень опытный человек не может не понимать, что я ничего не крал...

Генерал неторопливо закурил. Сквозь завесу табачного дыма я был медленно, очень внимательно изучен. Особенно пристально и долго седой начальник смотрел на мой лоб, словно сияясь что-то там прочесть.

— Дружок, — наконец негромко, приятным баритоном произнес хозяин жизни, — ты в беде. Ты попал в страшное дерьмо. Одно твое неверное слово — и ты у меня будешь сидеть вечно. Ты меня понял?

— Да, — ответил я и отважился противостоять милицейскому папе взглядом. Но не сумел.

— Дело ведет Генеральная прокуратура страны, — тихо просветил меня генерал. — О ходе следствия я каждый день докладываю в правительство. Это ты тоже понял?

— Да...

— Вот и хорошо, — доброжелательно кивнул седовласый и сменил ногу. — Деньги, само собой, украл не ты.

Украл — крупный чин, сотрудник администрации. Министр. Не федеральный, конечно. Республиканский. Из провинции. Но — все равно министр! Он вступил в сговор со своим братом, а тот — с торговцем медикаментами. Была выделена огромная сумма. Якобы для закупок. А вот аптекарь вступил в сговор уже с тобой. Правильно?

— Нет! — с жаром возразил я. — Неправильно! Аптекарь — был, но сговора — не было!

Генерал прищурил глаз.

Вдруг мне снова показалось, что он пытается что-то прочесть повыше моей переносицы — некую надпись на лбу подследственного, сокрытую еще минуту назад, но проступившую теперь ярко и крупно.

— Значит, к тебе приходил именно аптекарь?

— Да, — тихо, после паузы, признался я.

Только приходил он не ко мне.

4

Выдав генералу по первому требованию самый важный кусок информации — назвав имя, расколовшись, — я не испытывал никаких уколов совести. Человек, только что поименованный как «аптекарь», подставил и меня, и моего босса, и наш бизнес. Втянул в беду. Прислал грязные деньги. Чего ради его покрывать?

Я видел аптекаря всего дважды. В первый раз — познакомился: пожатие рук, улыбка, обмен дежурными любезностями. Во второй раз — выдал миллион американских долларов наличными. Остальные вопросы улаживал и утрясал босс Михаил.

Вообще, молчать — не моя задача. Я могу говорить или не говорить, но при этом обязан добиться своей цели. Как

можно дальше увести всех этих сыщиков, оперативников, следователей, дознавателей и генералов от простого вопроса: кто именно является главой моего бизнеса.

5

Большой папа вновь окутался желтовато-серым дымом. Его взгляд отяжелел, и от этого взгляда я почувствовал себя скверно — едва не запаниковал. Чувство показалось абсолютно новым. Впервые — на двадцать восьмом году жизни — мне довелось вкусить настоящего, сильного, искреннего человеческого презрения.

До сих пор я вызывал в людях совсем другие эмоции — главным образом положительные. Интерес. Уважение. Иногда — зависть. Со мной хотели дружить. Брали с меня пример. Сначала в школе. Затем — в университете. Еще — в армии. И в редакции многотиражной газеты. И конечно, в банке.

Год за годом, с самого детства, я непрерывно получал доказательство того, что я — один из лучших, что я необходим человечеству как воздух. А теперь пожилой дядя, окруженный аурой могущества, дал мне понять, что все не так.

Не злоба читалась в его глазах — тогда бы они сверкнули. И не отвращение — тогда бы его лицо исказила гримаса. Нет, я ощутил презрение в чистом виде. Откровенное, как порнофильм.

Здесь и началась моя тюрьма, состоялся мгновенный переход из одной жизни в другую. Генерал посадил меня за решетку одним взглядом. В тот миг, когда он только вошел, и сел на стул, и закурил, и начал говорить, — я был еще свободным человеком, взятым по недоразумению. Теперь, впитав вражду высокопоставленного, я осознал, что влип

и после разговора с седым милицейским бонзой отправлюсь не в офис и не домой к жене, а — в камеру.

— Думай, — проскрипел мой собеседник неожиданно старческим голосом. — Сесть можешь надолго. И Миша твой — тоже.

Я похолодел. У генерала и его отряда имелись все шансы, чтобы посадить меня. Но босса Михаила Николаевича, или просто Мишу Мороза, мне следует сберечь во что бы то ни стало!

Мы договорились с боссом Михаилом заблаговременно. О том, что на следствии — если до него дойдет — я сразу твердо объявляю шефом лавочки именно себя. А босс — остается ни при чем, спасает и бережет капиталы и пускает эти капиталы на то, чтобы мое наказание стало максимально мягким. Чтобы я был освобожден либо сидел недолго и с полным комфортом. То есть я берегу его свободу и безопасность, а он бережет мои деньги. Красиво, просто, эффективно.

Да! Я гордился тем, что я и босс Михаил все заранее предусмотрели. Четко, вдумчиво распределили роли. Это признак высокой организации нашего дела, а оно того стоило, оно принесло нам двоим за три года упорной работы целое состояние.

Но если мне не удастся отмазать босса — тогда мы пропали, оба.

Я ощутил сильную, неприятную дрожь в коленях и руках и нарушил паузу:

— Извините, вас как...

— Генерал Зуев!

— Товарищ генерал! — немедленно вскричал я, произнося всемирно известное волшебное слово «товарищ» быстро, одним звуком, проглотив его середину, — так говорят те, кто служил срочную службу, кому по многу раз в день

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru